

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 95–107.  
*The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2025; 2 (87):95–107.

Научная статья  
УДК 821.161.1-1.09"18"  
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.009

## **«Тревоги духа» в лирике Я. П. Полонского и осмысление духовных катастроф поэтами XX века**

**Любовь Федоровна Алексеева**

Государственный университет просвещения, Москва, Россия  
modernen@mail.ru

**Аннотация.** Актуальность исследования состоит в необходимости изучения влияний образной системы поэзии и мировоззрения Я. П. Полонского (1819–1898) на творчество преемников из следующего века. Цель статьи — выделить наименее исследованный в истории отечественного литературоведения аспект: воздействие образной системы, поэтики художественного мира, личностных позиций Полонского-поэта на творческих деятелей, среди которых поэты, публиковавшие свои произведения в дореволюционной, а затем советской России и в странах Русского зарубежья. Наиболее известно почитание Я. П. Полонского Александром Блоком, но и многие другие не миновали отклика на оригинальные идеи и эстетические установки известного поэта XIX века. Среди имен, творчески воспринявших стихотворное новаторство автора «Царь-Девушки», — Константин Бальмонт, Иннокентий Анненский, Сергей Есенин, Георгий Иванов, Марина Цветаева, Василий Сумбатов, Николай Оцуп, Константин Симонов. Объединяет последователей с Полонским не только эстетическое родство, но еще более приверженность одним и тем же стихиям русской жизни, мятежному и свободолобивому национальному российскому духу, следование безусловной писательской правдивости, народному языковому богатству. Отсюда многочисленные переключки лирических образов, сюжетных и композиционных приемов, словесное определение тех тенденций истории, которые внушали тревожные предчувствия Полонскому и разрослись в катастрофические потрясения XX века. Результаты состоят в активизации литературоведческой мысли в отношении к обозначенному предмету. Выводы представляют обобщение обнаруженных граней соприкосновения между Полонским и поэтами эпохи войн и мятежей. Область применения результатов — продолжение научного изучения литературного процесса, отзывавшегося на поэзию Полонского, а также вузовское и школьное преподавание русской литературы.

**Ключевые слова:** Александр Блок, «вечная женственность», «Жди меня» Константина Симонова, «Напрасно» Василия Сумбатова, осмысление катастроф века в лирических произведениях, поэтическая преемственность, «тревоги духа», «Царь-Девушка» Марины Цветаевой, Яков Полонский.

**Для цитирования:** Алексеева Л. Ф. «Тревоги духа» в лирике Я. П. Полонского и осмысление духовных катастроф поэтами XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 95–107. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.009.

Original article

## **“Anxiety of the spirit” in Yakov Polonsky’s lyrics and comprehension of spiritual catastrophes by poets of the twentieth century**

**Lyubov Fedorovna Alekseeva**

State University of Education, Moscow, Russia  
modernen@mail.ru

**Abstract.** The relevance of the paper lies in the need to study the influences of the image system of poetry and worldview of Yakov Polonsky (1819–1898) on the work of his successors in the following century. The aim of the article is to highlight the aspect, which is least investigated in the history of Russian literary

studies: the impact of Polonsky's imaginative system, poetics of his artistic world, and personal positions of the poet on other artists, among them poets who published their works in pre-revolutionary and then Soviet Russia and in the countries of the Russian Abroad. It is well-known that Alexander Blok worshipped Ya. P. Polonsky, but many other writers did not fail to respond to the original ideas and aesthetic attitudes of the famous poet. Among the poets who creatively perceived the poetic innovation of the author of *The Tsar-Maiden* are Konstantin Balmont, Innokenty Annensky, Sergei Yesenin, Georgy Ivanov, Marina Tsvetaeva, Vasily Sumbatov, Nikolai Otsup, Konstantin Simonov... They felt strong affinity with Polonsky not only aesthetically, but even more due to adherence to the same elements of Russian life, rebellious and freedom-loving national Russian spirit, following the writer's unfailing truthfulness, and language richness. Hence the numerous interconnections of lyrical images, narrative and compositional techniques, formulations of those tendencies of history that inspired Polonsky's anxious forebodings and grew into the catastrophic upheavals of the 20th century. The results consist in the activation of literary thought in relation to the subject. The conclusions represent a generalization of the discovered interrelations between Polonsky and the poets of the epoch to come, of wars and revolutions. The application of our results helps to continue scientific study of the literary process that was influenced by Polonsky's poetry, they can be used in university and basic school teaching of Russian literature.

**Keywords:** Alexander Blok, eternal feminine (“das Ewig-Weibliche”), “Wait for me” by Konstantin Simonov, “In vain” by Vasily Sumbatov, comprehension of the catastrophes of the century in lyrical works, poetic continuity, “anxiety of the spirit,” “Tsar-Maiden” by Marina Tsvetaeva, Yakov Polonsky.

**For citation:** Alekseeva L. F. “Anxiety of the spirit” in Yakov Polonsky's lyrics and comprehension of spiritual catastrophes by poets of the twentieth century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):95–107. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.009.

## Введение

Возрождению творческого интереса к наследию поэта и прозаика Якова Петровича Полонского мы обязаны в XXI веке, главным образом, исследователям Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина [Я. П. Полонский ... , 2014, 2015, 2019]. обстоятельную рецензию на первую коллективную монографию о земляке опубликовала в журнале «Известия Уральского федерального университета» (серия «Гуманитарные науки») А. А. Решетова [Решетова, 2016], серьезные статьи и главы о Полонском принадлежат перу Т. В. Федосеевой [Федосеева, 2019, 2024].

Взаимоотношения художественного мира Я. П. Полонского с русскими поэтами XIX века — относительно проясненная научная проблема, хотя и этот литературоведческий аспект далек от исчерпанности. Достаточно напомнить, что Афанасий Фет в 1888 году называл финальные строки стихотворения Полонского «Чайка», впоследствии отозвавшегося у Блока, «священной прелестью» и добавлял щедрое определение таланта друга в удивительном признании: «Если бы я не считал тебя одним из самых крупных, искренних, а потому и грациозных лириков на земном шаре, поправдивее, например, Гейне, то, конечно, не дорожил бы так тобою как поэтом...» [Цит. по: Фридлянд, 1986, с. 19]. Заявлена, хотя отнюдь не исчерпана, тема влияния Полонского на Бунина, Блока, Бальмонта. Многие грани творческого освоения традиций Полонского в XX веке остаются едва намеченной, малоизученной, даже относительно не проясненной научной задачей.

Цель нашей статьи — выявить и кратко наметить некоторые пунктирно обозначенные штрихи исследования этой теоретически значимой проблемы.

Вспомним, что соотношение бурь, мятежей, любовных волнений и божественного дара было в центре внимания А. С. Пушкина (воспроизведем в памяти хотя бы послание «К А. П. Керн», мятежные страницы «Дубровского», «бессмысленный и беспощадный» бунт и чудо-любовь-спасение в «Капитанской дочке»). «Отзывчивый сын своего века», Полонский живую стезю русской поэзии сохранил в центре своего творческого пути, что было замечено уже современниками [например, Соловьев, 1991, с. 518–542]. Светлый и тревожный образ музы сопровождал русскую литературу со времен В. А. Жуковского и Г. Р. Державина.

Образ печальной и беспокойной музы запечатлен А. С. Пушкиным в 1830 году: «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» [Пушкин, 1985, т.1, с. 481], а затем вновь пережит Лермонтовым, вынашивавшим стихи, исполненные «горечи и злости». Полонский прокладывал дальше путь и божественно прекрасной, и иронически-удрученной, болезненно-беспокойной поэзии: «Без веры в ясный идеал / Смешно ей было вдохновенье» [Полонский, 1986, с. 175].

Составительница тома избранных стихотворений и поэм Якова Петровича Полонского В. Г. Фридлянд обозначила некий центральный стержень в наследии поэта, назвав свою вступительную статью «Поэт сердечной и гражданской тревоги» [Фридлянд, 1986, с. 3–26]. Мы считаем необходимым развить эту тему применительно к перспективе реагирования на поэтические открытия Полонского поэтами следующего века, участвовать телесно в котором ему уже не довелось.

### Основная часть

Многое в художественном мире Я. П. Полонского ориентировано на антиэстетическую, сурово неприглядную, далекую от ложно-фальшивой красоты атмосферу. Он открывал стихотворение «Муза» дисгармоничным звуковым сопровождением: «В туман и холод, внемля стуку / Колес по мерзлой мостовой... [Полонский, 1986, с. 175]. В. Г. Фридлянд выбрала в качестве эпиграфа два последующих стиха: «...Тревоги духа, а не скуку / Делил я с музой молодой» [Фридлянд, 1986, с. 3]. Обратим внимание на то, что заключается стихотворение возвратом к начальному звучанию доминирующей тревожной ноты: «И до сего дня муза эта / Приходит тайно разделять / Тревоги бедного поэта, / Бодрит и учит презирать...» [Полонский, 1986, с. 176].

«Муза» Я. П. Полонского — из разряда таких стихов, которые переписывали в свои тетради Николай Некрасов, Иван Аксаков, любили читать и слушать Аполлон Майков, Афанасий Фет, Аполлон Григорьев, Николай Страхов, Фёдор Достоевский, Александр Островский... Сама жизненная стезя вела поэта Полонского по путям межнациональных контактов (кавказских, итальянских, немецких, французских и пр.), приводила к встречам и длительным взаимоотношениям с теми творческими личностями, которые определяли стержневое течение российского литературного процесса. В этой атмосфере намечались впечатляющие образы и сюжеты, рождались и виртуозно закреплялись стихотворные формы, ведущие идейные акценты будущих произведений русской литературы.

В изданном в Рязани коллективном труде «Я. П. Полонский. Вопросы творческой биографии» (2019), посвященном жизненным вехам творческого пути Я. П. Полонского, имеется свидетельство о том, что в начале XX века значение личности и литературного наследия Полонского подкрепилось изданием монографии, в которой были подчеркнуты особенности духовного облика поэта: «В нескольких статьях Н. Г. Аммона отмечалась пушкинская цельность мирозерцания Полонского, его прочная укорененность в национальном быте и слиянность с народным духом, общеславянский характер его жизненных идеалов и вместе с тем выражение общечеловеческих ценностей» [Я. П. Полонский ... , 2019, с. 12].

Н. А. Оцуп в статье «Серебряный век русской поэзии» (1933) заметил родство не только отдельных литературных мотивов двух столетий (XIX и XX), но и самих этих периодов российской исторической жизни. Обеспечивает единство двух веков, с точки зрения поэта-критика Русского зарубежья, трагическое неблагополучие: «Нельзя ни на миг упускать из виду того, что оба века величайшего духовного и художественного подъема проходят в России под знаком катастрофы» [Оцуп, 1993, с. 552]. «Знак катастрофы», сопровождавший век, свидетелем и участником которого был Я. П. Полонский, определяет сущность и своеобразно высвечивает перспективу грозного ореола последующего.

Известный исследователь литературы Серебряного века Л. А. Смирнова уделила несколько страниц Якову Полонскому в монографии «Золотой сон души» [Смирнова, 2009, с. 54–61]. В этой книге о поэзии рубежа XIX–XX веков выделены такие особенности, которые обеспечили Полонскому преемственное развитие в словесном искусстве нового века, начавшегося после ухода поэта из земной реальности: «Экспрессивное слово [Полонского. — Л. А.] доносит не просто настроение лирического субъекта — драму общебытийного порядка, причем вне авторского комментария по этому поводу» [Смирнова, 2009, с. 60].

Я. П. Полонский оказал огромное влияние на Александра Блока, по собственному признанию автора «Двенадцати». В статьях десятилетней давности эта тема была частично в центре внимания на конференции в Рязани. [Алексеева, 2015; Асоян, 2015]. Поэт XX века многократно цитировал, преобразовывал темы произведений предшественника, создавал на их основе обновленные лирические откровения и нравственно-этические обобщения, философско-исторические и пророческие заключения, достаточно назвать хотя бы поэтические определения в поэме «Возмездие» «де-

вятнадцатому железному», погружающему «беспечного человека» «в мрак, ночной, беззвездный», а затем и двадцатому — омраченному еще более грозной тенью «Люциферова крыла».

Некоторые словесные обороты Я. П. Полонского буквально включены в тексты А. А. Блока. Среди них образы и ритмы из «Зимнего пути», определившие мир «Ночной фиалки»; «Невидимка» — тоже у Блока, видимо, от Полонского, а также название стихотворения «На железной дороге»; «Последний разговор» столь же «волнует и тревожит» поэта «Соловьиного сада»; образы степи и разлившейся реки в цикле «на поле Куликовом»; поющий голос в цикле «О чем поет ветер»; из «Соловьиной любви» Полонского птица заключена в клетку в блоковском «Художнике»; тусклый свет из «Аллегии» — с тем же почти аллегорическим значением превращается в «бледный светик светляка» в «Сегодня ты на тройке звонкой...»; «зол и рад» — вошло даже в поэму «Двенадцать»; некоторые почти банальные рифмы (*гроза — глаза — слеза*).

А. А. Асоян прозорливо обратил внимание на то, что «не только Полонский предвещает особенности творчества А. Блока, но и тексты Блока, проецируясь на лирику Полонского, выявляют в ней не разгаданные ранее смыслообразующие процессы» [Асоян, 2015, с. 118].

Уже в стихотворениях кавказского периода Я. П. Полонским акцентируется невозможность покоя, присутствие тревоги, разлитой в мире, постоянно напоминающей о невозможности уйти от заглушающего другие голоса «нервического плача»: «Незримый дух! Он всюду бьет тревогу; / Везде кричит: сюда, сюда!» [Полонский, 1986, с. 68]. Спустя более полувека это трагическое мироощущение отзовется в блоковских стихах цикла «Родина»: «И вечный бой! Покой нам только снится / сквозь кровь и пыль...» [Блок, 1960, т. 3, с. 249]. Трагические бури новых войн и революций врывались в эпицентр поэзии и прозы Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Сергея Есенина, Марины Цветаевой.

Тревожный пафос лирики Я. П. Полонского нашел несомненный отклик в блоковской аналогии богини поэзии, — отнюдь не прекраснотушной, но периодически зараженной «гибельными» ожиданиями, сомнениями, содержащей не только утверждение красоты, но и «проклятье заветов священных», «поругание счастья». Муза у А. А. Блока («К Музе») [Блок, 1960, т. 3, с. 7] так же дисгармонично настроена, как временами у Полонского. Голос, обращенный к ней, открывает цикл Блока «Страшный мир», обнажающий пораженные безверием и отчаянием, катастрофически опустошенные, мятущиеся в грозовой атмосфере души. Заметим, что иронический образ лишенной приятности Музы родился у Полонского задолго до финальных итогов жизненного пути, до личного приближения к порубежной грани между веками, — еще в 1867 году. Недаром в поэме «Возмездие» Блока русская история уподоблена бурному течению весенней реки в половодье. Поэт угадывает повод для насмешек чужеземцев: «Но, право, может только хам / Над русской жизнью издеваться. / Она всегда меж двух огней. / Не всякий может стать героем, / И люди лучшие — не скроем — / бессильны часто перед ней, / Так неожиданно сурова / и вечных перемен полна; / Как вешняя река, она внезапно тронуться готова, / На льдины льдины громоздить / И на пути своем крушить / Виновных, как и невиновных, / И нечиновных, как чиновных...» [Блок, 1960, т. 3, с. 313–314].

Подводя итоги собственного наследия, в авторской надписи на сборнике «Седое утро» (датирована 23–24 октября 1920 года — меньше, чем за год до кончины) А. А. Блок выделил в своих поэтических созданиях сущностную семантическую волну, обозначенную прежде Я. П. Полонским и скорректированную новой эпохой исторических катастроф. В напутственном послании Блок сформулировал обращение к собственным творческим плодам: «Несите! Буря и тревога / Вам дали легкие крыла...» [Блок, 1960, с. 376] — и добавляет как будто напоминание о двух поэтических образах бытийного единства — «Царь-Девине» Полонского и «Вечной женственности» и Вл. Соловьева: «Но нежной прихоти немного / Иным из вас она дала...» [Блок, 1960, с. 376]. Выделение курсивом слова «она» подчеркивает символический смысл образа одновременно земной и духовно озаренной небесной красавицы, — несущей свет Премудрости Божией.

В лирике Я. П. Полонского формировались те принципы лирического образа, которые при его жизни формулировал Владимир Соловьев в статье, посвященной А. А. Фету и Я. П. Полонскому [Соловьев, 1994, с. 263–288]. Дневниковая запись Полонского знакомит нас с тем лирическим субъектом, который позднее станет общим принципом обоснования лирического «я» в поэзии XX века: «Я желал бы не щадить себя — ни в чем себя не оправдывать — говорить о себе как о лице, мне совершенно постороннем» [РГАЛИ, ф. 403, л. 24–25]. В этих строчках выразилось

отношение к облику лирического «я», который вполне усвоил очертания отстраненного от автора персонажа. Эту особенность реализовывали в стихах Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок, Иннокентий Анненский. Андрей Белый, вопреки Вл. Соловьёву, не принимавшему гегелевского термина, обозначил этот образ «я» словосочетанием «субъект лирики», а у теоретика искусства Ю. Н. Тынянова он получил терминологическое определение «лирический герой». Однако за этим отчужденным «я» все-таки сохраняются очертания и проявления жизненных ощущений и стремлений неповторимо индивидуального строя души поэта, что в свое время чувствовал и вполне сознавал Полонский: «Я, сказать по совести, очень желаю, чтоб когда-нибудь, кто-нибудь из старых, переживших меня друзей моих открыл эту книгу... и мысленно пережил несколько минут из жизни уже несуществующего Полонского. Вот в этом-то и заключается наше земное бессмертие. О загробном бессмертии знает Бог или никто не знает...» [РГАЛИ, ф. 403, л. 24–25]. Мысль о преемственности тревожных идей есть в конспекте недовоплощенных глав стихотворного романа Полонского «Свежее предание». После смерти Камкова его последователи преодолевают «мерзость запустения», а сам он предупреждал героиню: «...Тень моя придет потревожить вас...» [Полонский, 1986, с. 364]. Для автора важен не утешительный, а мобилизующий момент: «Предсмертные слова Камкова потрясли Лору, поселили в ее совести такую тревогу, из которой она не находит выхода» [Полонский, 1986, с. 364]. Содержание того, что называют выраженными в стихах предчувствиями, откровениями, грезами, также имеет тенденцию быть унаследованными новыми поколениями: «У всякого есть свои сны наяву... Они отчасти умирают с нами, отчасти переходят в потомство» [РГАЛИ, ф. 403, л. 24–25].

### *Россия и поэтическая жажда «пересилить время»*

Образцом для поэтов XX века был образ жизни, многосторонность стремлений, желание и умение помогать людям, быть предельно искренним в творчестве, безусловное обаяние правдивой личности Я. П. Полонского, его общественные и эстетические ориентиры. Несмотря на многочисленные препятствия социального и семейного характера, поэт запечатлел умение чувствовать «Божий перст» и верно следовать предназначенному пути. Жажда «пересилить время» [Полонский, 1986, с. 175] находила несомненный отклик в последующей русской поэзии. И дело, главным образом, в том, что в центре внимания по-прежнему оставалось само непрерывное течение русской и западноевропейской жизни, постоянно подвергавшейся разрушительным сломам, и поэтическая преемственность была для современников стабильной духовной и нравственной опорой.

К. Д. Бальмонт в октябре 1933 года опубликовал в газете «Последние новости» (5 октября, № 4579, с. 3) статью к юбилею И. С. Шмелева, которая открывается таким вступлением: «Когда-то, в юности, меня поразили и очаровали замечательный в своей простоте стих Якова Полонского. Кажется, я его еще помню:

<...> Писатель, если только он  
Волна, а океан — Россия,  
Не может быть не потрясен,  
Когда возмущена стихия.

Сладостное в нашей изгнаннической жизни утешение, что, кроме двух-трех, все мы, русские зарубежные писатели, оказались на должной высоте, когда настала для нас длительная, тяжкая страда исторического испытания. Мы помним, что мы — воины великой нашей, океаном разлившейся и океански возмущенной России» [Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву ... , 2005, с. 366–367]. Стихотворение Я. П. Полонского «В альбом К. Ш.» , процитированное по памяти пожилым К. Д. Бальмонтом (в несколько измененном виде), свидетельствует о несомненном присутствии Полонского в сознании и творческом воображении творческих деятелей XX века, сохранивших память о любимом поэте и в 1930-х годах, спустя треть века после его упокоения в Рязанской земле.

Значимость творчества Я. П. Полонского подкреплялась интересом к нему литературных критиков и историков литературы, которые участвовали в создании репутаций на рубежах глобальных перемен в России и в Западной Европе. В частности, таким литературоведом, создававшим своеобразную импрессионистическую (герменевтическую) историю русской литерату-

ры, был Юлий Исаевич Айхенвальд, автор книг «Силуэты русских писателей». В них можно встретить разноречивые характеристики творческой личности поэта. Юлий Айхенвальд уловил в своем литературно-критическом портрете внешнюю, чисто эстетическую сторону его стиля, рецептивное творческое начало в общении с читателем. Среди характеристик, данных Полонскому Айхенвальдом, вместе с тем обозначена такая, которая спустя несколько лет адресовалась не только ему, но и его «наследникам», включившимся в литературный процесс в XX веке: «...Почему ни у кого из старых наших поэтов не встречаются так часто, как у него, грубые выражения, низменные слова, которые должны бы оставаться за пределами поэзии» [Айхенвальд, 1994, с. 176]. По-видимому, сказывалось тяготение самого Полонского к беспощадной правде, умение замечать и называть прозаическое соответствующими языковыми оборотами. Подобного рода упреки относительно включения разговорной и просторечной лексики встречаются затем в характеристиках поэзии А. А. Блока, С. А. Есенина, Г. В. Иванова, В. А. Сумбатова и др.

### *Я. П. Полонский и новые царь-девицы*

Среди того, что было в центре духовно-эстетических исканий Владимира Соловьева, — словесное определение переключек миров интимных и космических, на это обратил особенное внимание Айхенвальд, процитировав: «...Полночь им открыла / в трепете лобзания, / В тайне поцелуев — / Тайну мироздания» [Айхенвальд, 1994, с. 178].

Притяжение к личности и творчеству предшественника обусловлено отчасти эстетическими склонностями тех, кто подхватывал и обновлял традицию, обаянием речевого и образного строя, удачно найденными Я. П. Полонским композиционными приемами, редкой синтаксической конструкцией, удачно выстроенным фольклорным, метафорическим или символическим образом, метко найденным словесным оборотом.

Требуют тщательного рассмотрения образы и сложный сюжет «Царь-Девы» (1920), заново преображенные Мариной Цветаевой. Из стихотворения Я. П. Полонского на 1,5 страницы выросла новая поэма-сказка почти на 100 страниц, — с усложненной художественной структурой, с добавлением новых персонажей, отзвуками сказочных фольклорных картин, за которыми просматриваются реалии российской Гражданской войны и революции, — но при этом с опорой на все звуки и краски, волшебные сцены и эмоциональные всплески произведения Полонского. Почти каждая деталь, поворот сюжета, световой блик и «женственный пафос» претекста нашли в новом произведении свои аллюзии и реминисценции, воплотились в подробно развернутых картинах. Помимо прославленного символистам стихотворения включаются в сюжет цветаевского поэтического полотна образные параллели с исторической драмой Полонского «Дареджана, царица Имеретинская». В частности, развит Цветаевой мотив этой пьесы о противоборстве царевича с мачехой, ее попытками соблазнить царственного юношу. В цветаеведческих трудах, в частности в книге Майкла Мейкина [Мейкин, 1997, с. 103–119], преуменьшена зависимость от стихотворения Полонского и его мифологического и оригинального поэтического художественного пространства в целом. Может быть, и название сборника «Вечерний альбом» — отголосок не только ахматовского «Вечера», но и у обеих поэтесс в заголовках книг их стихов — отзвуки «Вечернего звона».

Среди поэтов, воплощавших традицию романтической горькой лиры и космически озаренной арфы, — Георгий Иванов. В. Крейд характеризовал начало творческого пути Г. Иванова повышенным вниманием к поэзии предшественников: «На пятнадцатом году жизни его захватила поэзия. <...> Он стал читать все, что написано в рифму. Читал Фета, Надсона, Полонского, К. Р...» [Крейд, 2007, с. 12–13].

Диалогические отношения между поэтами обусловлены не только взаимным интересом друг к другу, родственными ритмам и словам, но и гораздо более значительными причинами и мотивами. Общие объекты творческого внимания — поток общенациональной и общемировой жизни, интерес не только к духовному состоянию отдельных личностей — лирических персонажей, но и к духовному смыслу космоса, Вселенной — отсюда родственные тематические и образные ряды, тревожные интонации и краски. Мотив трагической беспомощности человека в обстановке «железного века» был в целом предварен Полонским, а затем многогранно осмыслен поэтами первой четверти (трети) XX века в лирике и поэмах.

Значение творческой личности для Я. П. Полонского определялось отнюдь не земными почестями тому, кто открывал истины далеко не частного, а скорее космического масштаба. В стихотворении-некрологе, посвященном И. С. Тургеневу, «27 сентября 1883 года» Полонский выразил почти презрительное отношение к ненужным земным наградам:

Он не нуждается ни в лаврах, ни в цветах.  
И фимиам земли недужной и растленной  
Не долетит к тому, кто в страшных глубинах  
Вселенной ищет путь к источнику Вселенной [Полонский, 1986, с. 220].

Эта мысль Я. П. Полонского существует в разных модификациях у Максимилина Волошина, случайно (или не случайно) назвавшего свою книгу автобиографических записей «Путник по вселенным» [Волошин, 1990]. Более того, «цветы и лавры» предназначены, с точки зрения Полонского, не умершему И. С. Тургеневу: «Не нам и не ему сей фимиам пахучий...» [Полонский, 1986, с. 220]. Рождается ассоциативный образ, напоминающий о священном христианском событии на Голгофе: «Пусть эти все цветы / Отчизна милая вплетет в свой терн колючий». Через упоминание тернового венца Полонским был заложен образ, вошедший в публицистику и поэзию Максимилиана Волошина, — лик «России распятой» [Волошин, 1992]. «Век-волкодав» проникает многогранно в лирику Осипа Мандельштама, образы Полонского, наряду с блоковскими, угадываются в трагическом мире «Колчана», «Костра» и «Огненного столпа» Николая Гумилева.

### *Локальные экскурсы в поэтику стихотворений*

Заметим некоторые композиционные и эмоциональные, хотя и перенесенные в другой ракурс, переключки (перепевы) с Полонским у поэтов нового века, например, это своеобразно «подхваченная» Василием Сумбатовым структура стихотворения Я. П. Полонского «Напрасно» (1867), где почти каждое пятистишие начинается с вынесенного в заголовок слова. У Полонского грустный любовный лирический сюжет выразил личную драму тоскующего человека, утратившего скончавшуюся возлюбленную:

...Напрасно иногда взывал он к тени милой  
И ждал — былое вновь придет и воскресит  
Все то, что мертвым сном спит, взятое могилой,  
Придет и усыпит любви волшебной силой  
Ту жажду счастья, что проснулась и — томит [Полонский, 1986, с. 176].

Все усилия «предать любовь забвенью», обрести новую «страсть», достойно пронести «тяжелый крест» приводили к приговору: «напрасно», — только все «сильней час от часу горела в сердце рана...».

У Василия Сумбатова подобной «внешней» логике построения лирического сюжета подчинено стихотворение «Новые границы», в котором, вслед за Я. П. Полонским, он начинает первую строчку в строфе (со второго четверостишия) словом «напрасно», хотя на первый план им выдвинут сюжет исторических событий, воинских жертв и побед России, как будто утративших свою ценность. Такие горькие мысли выстраиваются в сокрушительную шеренгу в связи с изменением границ государства, сокративших пространства родной земли из-за революции:

...Напрасно бились пращурь с Литвой,  
С тевтонским орденом и дикой чуждою,  
Напрасно турок отражали грудью,  
И с Польшей спор решали вековой.  
<...>  
Напрасно в наши дни от Риги до Карпат,  
От Трапезонда до садов Моссула  
Земля тряслась от пушечного гула  
И кровь лилась бесчисленных солдат.

<...>

Напрасно все, но — если это так —  
Напрасны и черты границ позорных  
И в жизненность их линий густо-черных  
Поверят лишь слепец, невежда иль дурак [Сумбатов, 2023, с. 190].

Можно предположить, что настойчивое повторение заклинательного «жди меня» в стихотворении Константина Симонова родилось из стихотворения Полонского «Не жди» (1849). Восклицание «Не жди меня, не жди!» — у Полонского означает отказ от земного, слишком будничного, частного любовного романа. Небесный, божественно прекрасный и могущественный мир кавказской ночи присутствует в волшебном очаровании земли и неба, и сознание героя отторгает перспективу порабощении души соблазнами страсти:

Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою  
Часы, когда простора нет в груди;  
  
Когда сама душа — сама душа не знает,  
Какой любви, каких еще чудес  
Просить или желать — но просит, но желает —  
Но молится пред образом небес [Полонский, 1986, с. 69].

Подобен приговору финал стихотворения: душа лирического персонажа стремится оставить душный мир обыденной, приземленной любовной истории: «...не тебе моим мольбам отвечать, — / Не жди! — я в эту ночь к соблазнам равнодушен...» [Полонский, 1986, с. 69]. Более того, когда К. Симонов читал в конце жизненного пути свое стихотворение «Жди меня», в его голосе была горькая ирония, как будто понимание малости земного чувства из первоисточника («претекста») возвратилось в душу поэта, который, в отличие от героя Полонского, некогда полностью отдался «соблазну» обожествления земного кумира. Однако такой кумир оказался саморазвенчанным (прекрасная дама изменила), а «заклинательный» текст остался, хотя молитвенный его ореол до сих пор привлекает читателей и слушателей разного возраста.

### *Традиции Полонского в конкретных лиро-эпических произведениях*

Использование многих рифм, ритмов, интонаций, тропов и фигур было освоено до поэтов XX века Я. П. Полонским. Весьма ощутительная зависимость от Полонского проявилась в Блоковской поэме «Возмездие». В ее структуре и ритме подобное, несколько хаотическое, строение строфы, что и «Зимой в карете» Полонского, а также в некоторых других его поэмах:

Огни, дворцы, базары, лица  
И небо — все заслонено...  
Миражем кажется столица, —  
Тень сквозь узорное окно  
Проносится узорной дымкой;  
Клубится пар, и — мнится мне,  
Я сам, как призрак, невидимкой  
Уселся в тряской тишине. [Полонский, 1986, с. 236].

Ценностью духа для Я. П. Полонского является «то тепло и свет, что пролил нам в сердца ее вешун...» в поэтических произведениях. Пушкинский метасимвол арфы Серафима объединяет художественные миры больших лиро-эпических произведений Полонского и Оцуа. Душа, исполненная «жаждой веры в небеса», верность исторической и культурной памяти, а не корыстные интересы ведут в Рим героев поэмы «Братья»:

...Что б мог я провезти из наших стран  
Спасительно-опасного для Рима!  
Не для него ль, как арфа серафима  
Небесного — звуча из тона в тон  
Перелился и смолк вечерний звон? [Полонский, 1986, с. 368].



Среди русских поэтов Я. П. Полонский одним из первых ярко изобразил в поэме «Братья» Рим — исторически достоверно, с увлечением воспроизвел он сцены из жизни «столицы мира» во время попыток французов в середине XIX века оккупировать свободолюбивый берег Тибра и окрестные горы. Немало строчек, характеризующих любовь римлян к своему городу и их иронические насмешки, неприязнь по отношению к папе, кардиналам, Ватикану, жертвенную поддержку Гарибальди и других свободолюбивых людей. Главное, что составляет своеобразную доминанту в поэме «Братья», это постоянное присутствие событий мировой истории в новом Риме. Политические и социальные переживания персонажей соотнесены с темой вечной красоты произведений античного искусства. Об этом хранят память сами камни. Поклонник Полонского Блок во время путешествий по Италии эту тенденцию воплотил и в поэзии, и в прозе, в особенности в тревожных статьях «Стихия и культура», «Молнии искусства: Неоконченная книга «Итальянских впечатлений»».

Я. П. Полонский в поэме «Братья» декларировал познание «мечты, рассудком сжатой»:

Лети, мечта! Неси мои сомненья,  
Мою любовь, мое ожесточенье  
И голос мой неси везде с собой,  
Как чайка крик свой носит над водой,  
Повсюду, где валы да бури,  
Повсюду, где блуждают корабли,  
То исчезая в глубинах лазури,  
То уходя в объятия земли. [Полонский, 1986, с. 366].

В. С. Соловьев заметил это контрастно соединяющееся противоречие между светлым и мрачным [Соловьев, 1991, с. 526]. Хотя образ музы истолкован в статье о современнике несколько односторонне, философ уверен, что Я. П. Полонский «свободен от обманов ребяческого оптимизма», и цитирует среди других стихов поэта-современника следующие строчки: «...Что мы видим в наш железный век? / Видим, — в страхе перед человеком / Опускает руки человек, — В побежденных сила духа воскресает...» [Соловьев, 1991, с. 527].

Я. П. Полонский воспекает в «Братьях» универсальное понимание жизни: «Разум, общий всем, / Единый, не смущаемый ничем, — / Как Бог, он светит всем народам в мире» [Полонский, 1986, с. 366]. Вслед за Полонским Оцуп в «Дневнике в стихах» запечатлел еще более катастрофические события, обрушившиеся на Россию и Европу в первой половине XX века:

«Напой меня слезами в меру», —  
Слышится на горестной земле,  
Несмотря на атомную эру  
И во зле горящей, и в золе [Оцуп, 1993, с. 452].

Путь по объятай двумя мировыми пожарами измученной земле отражен героем Н. А. Оцупа, вобравшим в свой внутренний мир знания о культуре многих стран и народов, — подобно тому, как герои Я. П. Полонского постигали мудрость своего века в скитаниях по городам и весям. Итальянец у Оцупа будто наследует характеристику, данную столетие назад автором «Вечернего звона»:

<...> ...Он убить в запальчивости может,  
Но, конечно, ближнему он друг,  
Укрывающемуся поможет,  
С тем, кто просит, на ухо не туг,  
Весел, мил, приветлив, нет, *per Vacco*!<sup>1</sup>  
Обаяние его двояко [Оцуп, 1993, с. 451–452].

Клянутся Вакхом и укрывают преследуемого католиками молчаливо протестующего против властей Стефано Альберти простые герои поэмы «Братья» (в том числе русские) у Я. П. Полонского, а потом «учтены» и усвоены новым художественным пространством поэтического эпоса Н. А. Оцупа.

<sup>1</sup> *per Vacco*! — именем Вакха! (итал.)

### Предварительные итоги

Я. П. Полонский в творческом восприятии поэтов XX века не был второразрядным поэтом (делить поэтов по степени значимости у них не считалось достойным делом) — напротив, они не только читали с большим увлечением лирические произведения, созданные в предшествующем столетии, но и по-новому развивали заявленные Полонским (а также Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Фетом, Тютчевым и др.) многочисленные мотивы, расслышанные его лирическим героем — «сквозь гул тревоги городской» [Полонский, 1986, с. 237].

Характерны многочисленные реминисценции и аллюзии на художественный мир Я. П. Полонского. Среди устойчивых мотивов, развернутых поэтами XX века, выделим несколько: а) мотив жестокого века (у Блока, Мандельштама, Пастернака, Оцуа); б) русской дороги (тройки, поезда, страннической бесприютности); в) Музы (у Ахматовой Муза «в дырявом платке»); г) музыки (Блок, Г. Иванов, Д. Кедрин); д) ночи, демонического отсутствия света, одиночества, затерянности во вселенной (мрака, тьмы — у Блока, Иванова, Мандельштама, «звездный ужас» — Гумилева); ж) женственности (Царь-Девница, Кармен — у Блока, Цветаевой, «рассыпающая звезды» — у Гумилева); з) «цыганской», унижающей человека, гибельной страсти (Блок, Гумилев, Есенин); и) славянские образы (панславизм); к) христианские и ветхозаветные символы и сюжеты.

Интерес к личности и наследию автора «Царь-Девницы» сохранялся у многих поэтов, в том числе ставших эмигрантами, поскольку Я. П. Полонский чувствовал и поэтически осмыслил духовное поле своей исторической эпохи, в которой вызревали, обнаруживались тревожные предпосылки последующих российских и общеевропейских потрясений. Заново осмыслены и воплотились на поэтических страницах зловещие образы грозных катастроф, боли, «бед и обид» (Маяковский), взлетов духа, подвигов, унижительных падений, духовных «провалов в бездну».

Пристальное рассмотрение некоторых звеньев поэтической преемственности выявляет немало свидетельств о конкретном участии Я. П. Полонского в поэтическом потоке нового — «ужасного», смертоносного, «ужасней всех» — века [Блок, 1960, т. 3, с. 62].

Перечитывая Я. П. Полонского, иногда приходишь к выводу, что он превосходит многих своих последователей в совершенстве поэтического дара, живой изобразительности, глубине напряженно звучащей мысли о противоречивости в отношениях между народами и государствами, сословными и политическими кругами, о сложностях личностных, в том числе любовных и символически зловещих природных состояний. Глубина потенциально богатого творческого мира Полонского давала поводы для многократного отклика поэтов последующего столетия, что требует дополнительного погружения литературоведов в эту животрепещущую тему.

### Список источников

1. Айхенвальд Ю. И. Полонский // Силуэты русских писателей. — М. : Республика, 1994. — С. 176–189.
2. Алексеева Л. Ф. Наследие Я. П. Полонского в творческом восприятии А. А. Блока // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т. В. Федосеева. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. — С. 106–117.
3. Аммон Н. Г. Национальные, славянские и общечеловеческие мотивы поэзии Полонского // Яков Петрович Полонский. Его жизнь и сочинения : сб. ист.-лит. ст. / сост. В. И. Покровский. — М. : В. Спиридонова, А. Михайлов, 1906. — С. 49.
4. Асоян А. А. Лирика Я. Полонского в ретроспективе Серебряного века // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т. В. Федосеева. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. — С. 118–127.
5. Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. — М. ; Л. : Гослитиздат, 1960–1963. (Записные книжки (М., 1965) считаются 9-м томом).
6. Волошин М. А. Путник по вселенным / сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова ; худож. Т. Сиротинина. — М. : Советская Россия, 1990. — 384 с.
7. Волошин М. А. Россия распятая : сб. ст. и стихов М. А. Волошина / сост. В. И. Цветков. — М. : ПАН, 1992. — 252 с.

8. Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936 / Изд. подг. К. М. Азадовский и Г. М. Бонгард-Левин. — М. : РАН, отд-е историко-филолог. наук, 2005. — 432 с.
9. Крейд В. П. Георгий Иванов. — М. : Молодая гвардия, 2007. — 430 с. — (ЖЗЛ).
10. Мейкин М. Марина Цветаева. Поэтика усвоения. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. — 312 с.
11. Орлов П. А. Я. П. Полонский. Критико-биографический очерк. — Рязань : Рязан. кн. изд-во, 1961. — 96 с.
12. Оцуп Н. А. Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. — СПб. : Logos, 1993. — 616 с.
13. Полонский Я. П. Полн. собр. стихотворений Я. П. Полонского : в 5 т. — Т. 1. — СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1896. — 480 с.
14. Полонский Я. П. Стихотворения. Поэмы / сост и вступ. ст. В. Г. Фридлянд. — М. : Правда, 1986. — 480 с.
15. РГАЛИ. Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7. 136 л. : Полонский Я. П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг.
16. Решетова А. А. Яков Полонский на Рязанской земле // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18, № 2 (151). — С. 217–230.
17. Смирнова Л. А. Золотой сон души. О русской литературе рубежа XIX — XX вв. — М. : Водолей, 2009. — 392 с.
18. Соловьев В. С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». Краткая повесть об Антихристе. — СПб. : Художественная литература, С.-Петербург. отд-е, 1994. — С. 263–288.
19. Соловьёв В. С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк (1898). — М. : Искусство, 1991. — С. 518–542.
20. Сумбатов В. А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст. и примеч. Л. Ф. Алексеевой. — М. : Гос. ун-т просвещения, 2023. — 603 с.
21. Федосеева Т. В. Я. П. Полонский как предшественник русского символизма: поэтика лирического цикла («Сны» Полонского и «Жизнь моего приятеля» Блока) // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. — Vol. 12. — 2019. — DOI : <http://dx.doi.org/10.18778/1427-9681.12.07>.
22. Федосеева Т. В. Поэтология и аксиология Я. П. Полонского 1860–1880-х годов // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 149–172. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.67.22.
23. Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К. Содержательность сюжетно-событийных структур нарративной лирики Я. П. Полонского позднего периода творчества // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2024. — № 1 (52). — С. 83–91. — DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91.
24. Фридлянд В. Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги // Полонский Я. П. Стихотворения. Поэмы / сост. и вступ. ст. В. Г. Фридлянд. — М. : Правда, 1986. — С. 3–26.
25. Я. П. Полонский: Личность и творчество в истории русской культуры : коллект. моногр. / под ред. Л. В. Чекурина. — Рязань : Первопечатник, 2014. — 208 с.
26. Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т. В. Федосеева. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. — 356 с.
27. Федосеева Т. В., Моторин А. В., Толстов В. А. [и др.] Я. П. Полонский. Вопросы творческой биографии : моногр. / отв. ред. Т. В. Федосеева. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. — 400 с.

## References

1. Aykhenvald Yu. I. Polonsky. *Silueti russkikh pisateley*. [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Respublika, 1994, pp. 176–189. (In Russian).
2. Alekseeva L. F. The legacy of Ya. P. Polonsky in the creative perception of A. A. Blok. *Ya. P. Polonskiy: tvorchestvo, sudba, epokha (posvyashchayetsya 195-letiyu so dnya rozhdeniya poeta): sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 27–29 maya 2015 goda. Sost. i nauch. red. T. V. Fedoseyeva*. [Ya. P. Polonsky: creativity, life, epoch (on the poet's 195th anniversary): collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference, May 27–29, 2015. Compiled and ed. by T. V. Fedoseeva]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2015, pp. 106–117. (In Russian).
3. Ammon N. G. National, Slavic and universal motives of Polonsky's poetry. *Yakov Petrovich Polonskiy. Yego zhizn i sochineniya: sb. ist.-lit. st. Sost. V. I. Pokrovskiy*. [Yakov Petrovich Polonsky. His life and works: collection of historical and literary articles. Compiled by V. I. Pokrovsky]. Moscow, V. Spiridonova, A. Mikhailov Publ., 1906, pp. 49. (In Russian).

4. Asoyan A. A. Lyrics of Ya. Polonsky in retrospect of the Silver Age. *Polonskiy: tvorchestvo, sudba, epokha (posvyashchayetsya 195-letiyu so dnya rozhdeniya poeta): sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 27–29 maya 2015 goda. Sost. i nauch. red. T. V. Fedoseyeva*. [Ya. P. Polonsky: creativity, life, epoch (on the poet's 195th anniversary): collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference, May 27–29, 2015. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2015, pp. 118–127. (In Russian).
5. Blok A. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, 1960–1963. (Notebooks (Moscow, 1965) are considered as vol. 9). (In Russian).
6. Voloshin M. A. *Putnik po vseleennyim. Sost., vstup. st., komment. V. P. Kupchenko i Z. D. Davydova; khudozh. T. Sirotinina*. [Traveler through Universes. Compiled, introduction, commentary by V. P. Kupchenko and Z. D. Davydov; designer T. Sirotinina]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1990, 384 p. (In Russian).
7. Voloshin M. A. *Rossiya raspyataya: sb. st. i stikhov M. A. Voloshina. Sost. V. I. Tsvetkov*. [Russia Crucified: collected articles and poems by M. A. Voloshin. Compiled by V. I. Tsvetkov]. Moscow, PAN, 1992, 252 p. (In Russian).
8. Konstantin Balmont to Ivan Shmelev. *Pisma i stikhotvoreniya. 1926–1936. Izd. podg. K. M. Azadovskiy i G. M. Bongard-Levin*. [Letters and poems. 1926–1936]. Published by K. M. Azadovsky and G. M. Bongard-Levin]. Moscow, RAS, Department of Historical and Philological Sciences, 2005, 432 p. (In Russian).
9. Kreyd V. P. *Georgiy Ivanov (seriya ZhZL)*. [Georgy Ivanov (ZhZL series)]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2007, 430 p. (In Russian).
10. Meykin M. *Marina Tsvetaeva. Poetika usvoyeniya*. [Marina Tsvetaeva. Poetics of assimilation]. Moscow, Marina Tsvetaeva's House-Museum, 1997], 312 p. (In Russian).
11. Orlov P. A. *Ya. P. Polonskiy. Kritiko-biograficheskiy ocherk*. [Ya. P. Polonsky. Critical and biographical essay]. Ryazan, Ryazan Publ., 1961, 96 p. (In Russian).
12. Otsup N. A. *Okean vremeni. Stikhotvoreniya. Dnevnik v stikhakh. Statyi i vospominaniya o pisatelyakh*. [Ocean of time. Poems. Diary in verse. Articles and recollections about writers]. St. Petersburg, Logos, 1993, 616 p. (In Russian).
13. Polonsky Ya. P. *Poln. sobr. stikhotvoreniy Ya. P. Polonskogo: v 5 t.* [Complete collection of poems by Ya. P. Polonsky: in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg, A. F. Marx Publ, 1896, 480 p. (In Russian).
14. Polonsky Ya. P. *Stikhotvoreniya. Poemy. Sost i vstup. st. V. G. Fridlyand*. [Poems. Compiled and introduced by V. G. Fridlyand]. Moscow, Pravda, 1986., 480 p. (In Russian).
15. RGALI. F. 403, op. 2, yed. khr. 7. 136 l.: *Polonskiy Ya. P. Dnevnikovyye zapisi. Kopiya, sdelannaya rukoy Zh. A. Polonskoy. 1856–1860 gg.* [RGALI. F. 403, op. 2, unit. 7. 136 p.: Polonsky Ya. P. Diary entries. Copy made by Zh. A. Polonskaya]. 1856–1860 (In Russian).
16. Reshetova A. A. Yakov Polonsky in the land of Ryazan. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyye nauki*. [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities]. 2016, vol. 18, iss. 2 (151), pp. 217–230. (In Russian).
17. Smirnova L. A. *Zolotoy son dushi. O russkoy literature rubezha XIX — XX vv.* [Golden dream of the soul. On Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries]. Moscow, Vodoley, 2009, 392 p. (In Russian).
18. Solovyov V. S. On lyric poetry. Regarding the last poems of Fet and Polonsky. *Solovyev V. S. Chteniya o bogochelovechestve. Statyi. Stikhotvoreniya i poema. Iz "Treh razgovorov". Kratkaya povest ob Antikhriste*. [Solovyov V. S. Readings on God-manhood. Articles. Poems and a poem. From "Three Conversations". A brief story about the Antichrist]. St. Petersburg, Iskusstvo, St. Petersburg Branch, 1994, pp. 263–288. (In Russian).
19. Solovyov V. S. *Poeziya Ya. P. Polonskogo. Kriticheskiy ocherk (1898)*. [Poetry of Ya. P. Polonsky. Critical essay (1898)]. Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 518–542. (In Russian).
20. Sumbatov V. A. *Sobr. soch.: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya i poemy. Sost., vstup. st. i primech. L. F. Alekseyevoy*. [Collected works: in 2 volumes. Volume 1: Poems. Compiled, introduction and notes by L. F. Alekseeva]. Moscow, State University of Education, 2023, 603 p. (In Russian).
21. Fedoseeva T. V. Ya. P. Polonsky as a predecessor of Russian Symbolism: poetics of the lyric cycle (Polonsky's "Dreams" and Blok's "Life of a friend"). *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. [Acts of Lodz University. Russian literature pages]. Vol. 12, 2019. DOI: <http://dx.doi.org/10.18778/1427-9681.12.07>. (In Russian).
22. Fedoseeva T. V. Poetology and axiology of Ya. P. Polonsky in the 1860s–1880s. *Problemy istoricheskoy poetiki*. [Issues of Historical Poetics]. 2019, vol. 17, iss. 4, pp. 149–172. DOI: 10.15393/j9.art.2019.67.22. (In Russian).
23. Fedoseeva T. V., Timofeev N. K. Substantial plot-event structures of narrative lyrics of Ya. P. Polonsky in his late period. *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific Notes of Novgorod State University]. 2024, iss. 1 (52), pp. 83–91. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91. (In Russian).
24. Fridlyand V. G. Poet of heartfelt and civil anxiety. *Polonskiy Ya. P. Stikhotvoreniya. Poemy. Sost. i vstup. st. V. G. Fridlyand*. [Polonsky Ya. P. Poems. Compiled and introduced by V. G. Fridlyand]. Moscow, Pravda, 1986, pp. 3–26. (In Russian).

25. Ya. P. Polonskiy: *Lichnost i tvorchestvo v istorii russkoy kultury: kollekt. monogr. Pod red. L. V. Chekurina*. [Ya. P. Polonsky: personality and creativity in the history of Russian culture: collective monograph. Ed. by L. V. Chekurin]. Ryazan, Pervopechatnik, 2014, 208 p. (In Russian).

26. Ya. P. Polonskiy: *tvorchestvo, sudba, epokha (posvyashchayetsya 195-letiyu so dnya rozhdeniya poeta): sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 27–29 maya 2015 goda. Sost. i nauch. red. T. V. Fedoseyeva*. [Ya. P. Polonsky: creativity, life, epoch (on the poet's 195th anniversary): collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference, May 27–29, 2015, 356 p. (In Russian).

27. Fedoseeva T. V., Motorin A. V., Tolstov V. A. et al. *Ya. P. Polonskiy. Voprosy tvorcheskoy biografii: monogr. Otv. red. T. V. Fedoseyeva*. [Ya. P. Polonsky. Issues of creative biography: monograph. Ed. by T. V. Fedoseeva]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2019, 400 p.

#### **Информация об авторе**

**Алексеева Любовь Фёдоровна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Область научных интересов: история русской литературы XX и XIX веков : творчество Я. П. Полонского, А. А. Блока, В. А. Сумбатова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, Н. А. Клюева, Б. А. Лавренева, М. А. Булгакова, М. М. Пришвина, Н. А. Оцупа, Н. В. Болкунова и др.

#### **Information about the author**

**Alekseeva Lyubov Fedorovna** — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and foreign literature, State University of Education.

Research interests: history of Russian literature of 20th and 19th centuries: works of Ya. P. Polonsky, A. A. Blok, V. A. Sumbatov, K. D. Balmont, I. A. Bunin, V. V. Mayakovsky, S. A. Yesenin, N. A. Klyuev, B. A. Lavrenev, M. A. Bulgakov, M. M. Prishvin, N. A. Otsup, N. V. Bolkunov and others.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 30.01.2025; accepted for publication 31.03.2025.